

66.3(2Рос), 5
К А 37

**МАТЕРИАЛЫ
по вопросам защиты
прав и интересов коренных
малочисленных народов:
В гостях у Танцующего Духа
Солнечной Земли**

Сборник № 1

Ханты-Мансийск
2006

Российская Федерация
Дума Ханты-Мансийского автономного округа – Югры

Ассамблея представителей
коренных малочисленных народов Севера

МАТЕРИАЛЫ
по вопросам защиты
прав и интересов коренных
малочисленных народов:
В гостях у Танцующего Духа
Солнечной Земли

Сборник № 1

Государственная
библиотека
Югры

03

- 091210 -

Ханты-Мансийск
2006

Государственная
библиотека
Югры

КО

ББК 64(2 Рос)-4
В 11

АВТОР Е.Д. Айпин
РЕДАКТОР-СОСТАВИТЕЛЬ Т.В. Нагибина

Материалы по вопросам защиты прав и интересов коренных малочисленных народов: В гостях у Танцующего Духа Солнечной Земли: Сборник № 1 / Е.Д. Айпин; Ред.-сост. Т.В. Нагибина. – Ханты-Мансийск: Полиграфист, 2006. – 56 с.

© Дума Ханты-Мансийского автономного
округа – Югры, издание, 2006
© Айпин Е.Д., текст, 2006
© ГП «Полиграфист», оформление, 2006

ISBN 5-89846-499-9

*«Мы живем на Солнечной Земле», –
сказал мне Вождь племени нуэбло
Ричард Мермеджо
в городе Санта-Фе 24 марта 2005 года*

В Америке я побывал с депутатами Думы округа Татьяной Гоголевой, Надеждой Алексеевой, спикером парламента Василием Сондыковым. Также с нами ездила известная хантыйская поэтесса и фольклорист Мария Вагатова. Мы пролетели по маршруту Москва – Лос-Анджелес – Лас-Вегас – Эль-Пасо, затем на машине, посетив пять резерваций коренных племен индейцев, проехали через Лас-Крузес до Санта-Фе, административного центра штата Нью-Мексико. В поездке нас сопровождали ученые-этнографы Ольга Балалаева и Эндрю Вигет, профессор Нью-Мексиканского государственного университета, а также руководитель Программы по сохранению культурного наследия индейцев Дональд Дуэйн Пепион из племени Черноногих (Блэк Фут).

Я стал вспоминать, что знаю об Америке. Немного знаю Америку Марка Твена и Джека Лондона. Знаю Америку Уильяма Фолкнера и Эрнеста Хемингуэя. Знаю Америку Габриэля Гарсиа Маркеса. Знаю Америку Клода Клейтона Смита, редактора и издателя моей первой книги на английском из Северного Огайского университета. Наконец, знаю Америку Патриции П., в дружеском кругу просто Пати, американки финского происхождения из штата Флорида, которая любила головокружительные скорости и на авто носилась по континенту с юга на север, с востока на запад...

Но я совершенно не знаю свою Америку. Какая она?

ТАНЯ И ЛАНА

В Санта-Фе, в отеле, в десятом часу вечера я спустился в ресторан поужинать. Получилось так, что днем мы не заказали столик, а вечером не оказалось свободных мест. Дело в том, что здесь проходил вечер традиционной индейской музыки, на который пришло много туристов и местных поклонников музыкального искусства коренных народов. И мы между собой договорились, что кто захочет, тот придет ужинать после десяти, когда завершится музыкальная программа вечера. Но сейчас тут было еще много посетителей, народ еще не разошелся и свободных мест почти нет. Я немного потоптался и собрался уже уходить, когда в центре зала за круглым столиком увидел двух девушек. Это были типичные американские южанки нового поколения. Немного смуглые, стройные, гибкие, с индигово искрящимися длинными волосами и с огромными, напоминающими таинственную южную ночь черными очами. Они как-то странно завораживающе смотрели на меня и улыбались. Словно близнецы, они были очень похожи друг на друга. Одна краше другой. Я подошел к их столику, и мы познакомились.

Одну звали Лана. Она изучает философию и английский. Ей двадцать один год. А вторую зовут Таня. Таня специализируется на истории и английском. Ей девятнадцать лет. А у меня сразу же мелькнул вопрос: почему у нее русское имя Таня?

Я сказал, что приехал из Ханты-Мансийска. Девушки еще больше оживились и сообщили мне, что знают город, где я живу. Что Ханты-Мансийск просто красивый и великолепный город. Сразу же встал второй вопрос: откуда они знают Ханты-Мансийск? Для меня Санта-Фе – глубинка, это очень далеко от моего округа. Только на самолете нужно лететь в общей сложности чуть меньше двадцати часов. Точнее, около восемнадцати. Неужели слава Ханты-Мансийска дошла и до американского континента? И каждая студентка знает, где находится этот город и чем знаменит Ханты-Мансийский автономный округ? Какой вклад внесли в сокровищницу мировой культуры его коренные народы ханты и манси? Но еще больше озадачила меня фраза Тани о том, что она хотела бы пройти стажировку в Югорском государственном университете. Что, и про ЮГУ уже знают на американском континенте?! Ведь университет только становится на ноги.

Вопросов у меня возникло более чем достаточно. Но прежде чем спросить у девушек про их познания о моем городе и округе, я решил вспомнить, где мог с ними повстречаться до нашего сегодняшнего вечера. Возможно, мы встречались в резервации Мескалеро, у апачей.

В РЕЗЕРВАЦИИ МЕСКАЛЕРО, У АПАЧЕЙ

В первый день мы познакомились с Лас-Крузесом и его окрестностями. Ездили в горы, на обратном пути завернули в Мессию, исторический центр графства. Солнечно, тепло. С нами целый день Ольга с Эндрю и их пятилетний сын Данила. На другой день поехали в одну из ближайших резерваций на востоке от города.

Едем в резервацию Мескалеро, которая расположена в горах, на красивейших склонах и долинах, покрытых вечнозелеными со-снами. Дух захватывает от красоты и прозрачно-чистого горного воздуха, голубого неба, синего озера и белых горных вершин. Когда едешь и долго смотришь на горы в яркий солнечный день, возникает ощущение, что кто-то неведомый и таинственный, воздушно-легкий стремительно перелетает играючи с одной вершины на другую. После него остается лишь призрачно трепещущая тень. И думаешь: кто бы это мог быть?! Появляется чувство, что этот кто-то таинственный сопровождает тебя по древней заокеанской земле. Возможно, покровитель этих земель и гор.

Приезжаем в Мескалеро. Знакомство с апачами началось с муз-ея. Точнее, с Джеронимо – легендарного вождя племени, который в течение последней четверти XIX века воевал за свободу своего на-рода. Он воевал на два фронта: и с правительством страны, и с по-томками испанцев, мексиканцами, которых здесь называют одним словом «латинос». Апачи – прирожденные воины, храбрые воины, искусные воины, но весьма доверчивые, честные и благородные в отношении своих врагов. И, конечно, исход борьбы нетрудно было предсказать. Джеронимо вместе с ближайшими соратниками в кон-це концов поймали, и он остаток жизни, более сорока лет, провел в тюрьме. Но духом он остался непокоренным и непобежденным. С фотопортрета смотрит на меня суровый вождь с непреклонной

решимостью и невыносимой скорбью на смуглом лице. Эти две черты сразу врезаются в память: непреклонность и скорбь. Они остались во всех фотографиях, в которых Джеронимо запечатлен в период и после подавления восстания. Первая понятна: непреклонность в вооруженной борьбе за свободу и независимость. А скорбь... Немного позже я узнал, что эту глубокую скорбь отпечатала на его лице мужественного воина потеря самых близких. В разгар войны его противники подло вырезали всю его большую семью. И если не считать соратников и своего народа, до конца своих дней он оставался глубоко одиноким человеком с тяжелой личной трагедией, с тяжелой личной ношей, которую нельзя переложить на чужие плечи...

Мне крепко запала в душу судьба Джеронимо. Несомненно, Джеронимо – национальный герой и свободолюбивый вождь апачей, наделенный большой личной храбростью и мужеством. Кроме этого ему присущи от природы, как и представителю любого малочисленного коренного народа, великодушие, благородство, вера в клятву-слово и вера в человека. И этими благороднейшими свойствами его натуры воспользовались его противники, чтобы обезглавить освободительное движение индейцев.

В пути, особенно во время долгого перелета через Атлантику, о Джеронимо много рассказывала Татьяна Гоголева. Она три года назад уже ездила в Америку, и здесь среди местных вождей племен и индейских активистов у нее было много друзей и знакомых. И теперь она часто выступала в роли гида, поясняя тонкости жизни и быта индейцев юга Америки, именно штата Нью-Мексико. В ее рассказах Джеронимо всегда занимал особое место.

В музее мы узнали еще об одном важном правовом документе. В 1980-х годах под давлением общественности в США был принят федеральный Акт об индейских артефактах (Акт о защите и репатриации могил коренных американцев, НЭГПРА), по которому всем племенам коренных народов предоставлялось право забирать из фондов музеев все принадлежавшие их прошлым поколениям реликвии. Таким образом, индейцы вернули себе наиболее значимые культовые вещи и предметы, получили возможность по своим обычаям и обрядам захоронить останки своих предков, находившихся в антропологических коллекциях.

После музея мы поехали в индейскую школу.

Апачи, как и ханты и манси, живут в маленьких поселениях. Вдоль дороги, как хутора, семейные поселения, отдельные хозяйства, домики с придворными постройками. Их отделяют друг от друга лесочки, скалы, склоны. Я хорошо понимаю, почему они так селятся. Все, кто вырос на лоне первозданной природы с ощущением земли и раздолья, старается, чтобы всю жизнь вокруг тебя было свободное пространство, свобода. Чтобы утром встал и поставил ногу на омытую дождем траву, куда еще не прикасалась ничья подошва, не ступала пятка ничьего мокасины.

Школа расположилась под сенью вечнозеленых сосен. Точнее, новый школьный комплекс-сад, напоминающий старинный замок-дворец с закрытым со всех сторон внутренним двором с игровыми и спортивными площадками. Недавно выстроенная современнейшая школа. Войдя в здание, у самого входа в холле мы увидели огромный глобус. Земной шар почти в человеческий рост. Нас плотным кольцом окружили ученики и учителя.

— Откуда приехали?

Василий Семенович покрутил глобус, нашел Западную Сибирь и наш округ, ручкой поставил там точку и сказал:

— Вот наша земля.

— О-о, как далеко! — удивились хозяева.

Директор водил нас по классным комнатам, спортивным и актовым залам, музейным комнатам, подсобным помещениям. Показывал школу. Между прочим, он с гордостью сообщил, что по технической оснащенности его школа входит в первую десятку среди подобных образовательных учреждений Соединенных Штатов Америки.

После этого завели нас в классную комнату, удобно рассадил за ученические столы, и там мы продолжили встречу с руководством школы. Нам представили заместителя директора, которая курировала, условно говоря, национальный компонент в школе. У нашей Татьяны значительный стаж учительской работы, поэтому она и повела разговор по вопросам образования.

Мы выяснили, что у апачей, как и у ханты и манси, также остро стоит вопрос сохранения и развития родного языка. Так вот: здесь

родной и английский языки в начальных классах изучаются в равных количествах часов. 50 на 50 процентов. Урок длится 30 минут. В этой связи я с горечью вспомнил, что у нас в округе в национальных школах родному языку отведен один или два урока в неделю. Или вообще предлагается изучать родной язык факультативно. На это сетуют многие учителя родных языков в селах и деревнях автономного округа. При этом Департамент образования и науки всегда разводит руками: мол, общеобразовательный федеральный стандарт нам не позволяет... Хотя этот пресловутый стандарт позволяет все это делать национальным республикам в составе России. А ведь по Конституции мы являемся равноправными субъектами Федерации. Тут все завязано на личностном, человеческом факторе. Если нет кровной заинтересованности в сохранении родного языка – чиновник ничего не сделает и не будет делать.

Марию Кузьминичну Волдину-Вагатову как поэтессу и в прошлом учителя заинтересовала литература в школе: что читают дети апачей, чьи произведения изучают.

После школы нас отвезли в одно из самых живописных мест у подножия горы Сьерра-Бланка. Здесь, на берегу синего горного озера с зелеными берегами, в окружении сосен, в уютной горной котловине шесть дней назад состоялось открытие большого горно-туристического комплекса «Горное Божество», который полностью контролируется Советом племени апачей. В нашем понимании это горнолыжный курорт. Точнее, курорт и казино. Так обозначено на визитках и в рекламных проспектах. Здание в шесть этажей изгибается полукругом по берегу озера. Бассейны, тренажерные и спортивные залы, бани, сауны и, конечно, казино. Нас сопровождают десять членов Совета племени, индейский художник и скульптор Лэри Шей и оперативный руководитель офиса Майкл Френч. Все они типичные индейцы, кроме, разумеется, Майкла. Все картины и скульптуры выполнены художниками племени, поясняет Лэри. В них раскрываются история, традиции, жизнь и быт людей апачи. Здесь нет ни одной работы, напоминающей по теме и стилю Европу или белую Америку.

Человек, приехав сюда, сразу попадает в мир апачей.

Пояснения дает элегантно одетый, вежливый и доброжелатель-

ный Майкл Френч, напоминающий типичного процветающего менеджера Запада. Он обстоятельно, со знанием дела отвечает на все вопросы. Нас прежде всего интересовала организация дела. Вот что он сообщил на эту тему. Правительство племени апачей привлекло профессионалов в области гостинично-туристического бизнеса и совместно с ними разработали концепцию курортного комплекса и просчитали, сколько что будет стоить и какова будет окупаемость курорта. На строительство и оснащение комплекса потребовалось чуть меньше 200 миллионов долларов. Их получили у разных инвесторов. Рентабельность курорта и казино составит 30 процентов в год, в основном, за счет казино. Плюс горнолыжный туризм, спортивная охота и рыбная ловля и так далее. Здесь одновременно можно разместить до двух тысяч туристов в 257 комфортабельных номерах-комнатах. Конечно, все здесь рассчитано на богатых гостей. Но цены очень гибкие в зависимости от сезона и дня недели. К примеру, в рабочие дни полулюкс стоит совсем не дорого и вполне по карману среднему классу. К тому же большую роль играет реклама. К открытию комплекса оформили придорожные рекламные щиты, затем разослали 200 тысяч писем и проспектов и теперь нет отбоя от желающих посетить этот живописный уголок в резервации Мескалери и отдохнуть, с пользой для тела и души провести выходные дни или отпуск. Дороги сюда отличные, кемпинг есть, сервисные услуги на уровне всех современных требований.

Какие проблемы для резервации решаются с вводом курорта и казино?

Первая – это получение прибыли на развитие своих социальных программ.

Вторая – создание новых рабочих мест для людей племени. Со стороны по договору приглашают только тех специалистов, которых не успели подготовить в резервации. Кстати, на учебу в средние и высшие учебные заведения направляют по тем специальностям, которые будут востребованы в Мескалери. В концепции курорта все было заранее просчитано.

Обедали мы с членами Совета племени в огромном зале ресторана за одним длинным столом. Трапеза была чинной, неторопливой. Говорили, рассуждали, размышляли вслух обо всем. Так

обычно сидят, пьют чай и ведут неспешный разговор близкие родственники и друзья, которые давно не виделись. Это напоминает не трапезу, а древний обряд встречи.

После ресторана, в ожидании своих товарищей, мы с Василием Семеновичем остановились у игровых автоматов казино.

– Сыграем? – предложил он.

– Сыграем, – согласился я.

– Поддержим бизнес резервации.

– Внесем свою лепту.

Василий Семенович как путешественник бывалый уже имел дело с игровыми автоматами. В пути вспоминал, что был когда-то в Лас-Вегасе, в этом мировом центре игрового бизнеса. Не однажды бывал и в Лос-Анджелесе, где ездил на пляж и купался в океане.

Разменяли доллары и приступили к игре. Игра, конечно, азартная. Сначала сколько проиграл, почти столько и выигрываешь. Потом опять ставишь выигрыш. Этот выигрыш снова проигрываешь. Автомат не обманешь. В итоге мы без всякого сожаления проиграли по сотне долларов. Посмеялись: в пользу казны апачей Мескалери.

После изобильного обеда в ресторане курорта «Горное Божество» мы вышли на улицу, во двор комплекса, где со всеми атрибутами охотников и воинов на довольно высокой каменистой круче стояли три колоритных железных богатыря-апачи. Очень своеобразные, самобытные, красивые. Сразу видно, что созданы талантливым художником. Похоже, они всем своим видом напоминают гостям, кто есть хозяин на этой прекрасной и красивой земле.

Конечно же, «Горное Божество» весьма впечатляет. Наверное, органичным соприкосновением двух цивилизаций, двух Миров: традиционного индейского и современного промышленного. С одной стороны, здесь сохранилась первозданная природа с индейским укладом жизни, с ее традициями и обычаями, с другой – оборудованный по последнему слову научно-технического прогресса комплекс для отдыха и жизни человека. Здесь турист-гость ходит по отведенным ему дорожкам и тропам, не мешая апачи-хозяину заниматься своими делами. И, похоже, оба довольны, обоих устраивает такое уважительное отношение друг к другу.

Немного позднее мы поехали в рыбаководное хозяйство, где разводят форель. Водил нас по цеху веселый хохмач-рыбовод, анг-

личанин Джон, которому очень приглянулась наша Марья Кузьминична. Все шутил, предлагал ей: оставайся со мной, вместе будем рыбу разводить. В помещении, под крышей, из икринок выклеваются мальки, тут они и подрастают. А затем их переводят во двор, уже под открытое небо. Там «дозревает» средняя и крупная форель. Как потом выяснилось, к моему удивлению, всем этим хозяйством Джон управляется один, без всяких помощников, работает по контракту. Хотя апачи никогда рыбной ловлей не занимались, но сейчас рыба понадобилась резервации. И, пожалуйста, организовали рыбный «промысел». Частично отправляют к столу в рестораны курорта-казино, частично выпускают в водоемы для спортивной рыбной ловли туристов по лицензиям.

Мы посетили в резервации и лесопилку. Правда, она старая. У нас они называются пилорамами, а в Америке лесопилками. Они довольно часто попадают в книги Уильяма Фолкнера. Леса тут, в Мескалери, свои, только рубить нужно осторожно, без ущерба для природы и хозяйства. А стройматериалы всегда пользуются спросом.

В конце дня нас принимал президент Совета резервации апачей Марк Чино. Площадь резервации составляет 1 миллион гектаров, где проживает 4 тысячи человек. Совет, как я уже говорил, состоит из десяти человек, которые избираются сроком на 2 года. Используется система ротации: выборы проводят в разное время. Сначала избираются 4 человека, затем еще 6. Когда заканчивается время полномочий одной группы, проводятся выборы. Затем состоятся выборы второй группы членов Совета. Таким образом, сохраняется принцип преемственности в представительном органе власти.

На чем же зиждется правовая основа резервации? Президент Марк Чино не спеша перечислил документы. Во-первых, это Конституция США. Во-вторых, Устав племени апачей Мескалери 1936 года. В-третьих, договоры с Федеральным правительством. И, в-четвертых, – это Устав резервации.

– Правительством мы признаны суверенным народом, – закончил свою мысль Марк Чино.

Впрочем, на таких правовых основах строятся отношения всех индейских племен с Правительством США. Договоры, в отличие от законов, удобны тем, что учитывают все специфические условия жизни и быта каждого коренного народа.

Я понимаю, что признания и относительной суверенности индейцы добивались на протяжении более 500 лет в жестокой и неравной борьбе сначала с испанскими колонизаторами, а затем с английскими и французскими. Сначала, после открытия Америки Христофором Колумбом, начиная с 12 октября 1492 года (официальная дата открытия континента), на тропе войны, а затем, в последние годы, на правовом пространстве страны.

В этом жестоком мире считаются только с теми, кто силен и кто непреклонен в борьбе за жизнь своего народа.

БЕЛЫЕ ПЕСКИ

В поездке мы столкнулись с многими загадочными явлениями, не имеющими научного или просто житейского объяснения. Одно из них – Белые Пески, природный парк федерального значения. Они тянутся широкой полосой с востока на запад на расстояние в восемь десятков километров. Какого они происхождения – земного или космического? Если земного, то почему нигде в мире больше нет таких песков? Если космического, то каким образом они попали на землю? Наука их происхождение объяснить не может.

Существует, впрочем, гипотеза о происхождении этого удивительного феномена в результате обмеления древнего озера, ушедшего миллионы лет назад и оставившего высокие снежно-белые гипсовые дюны, постоянно меняющие свои очертания под влиянием степных ветров.

На обратном пути из Мескалери мы хотели заехать туда. Но не получилось: опоздали. Они немного в стороне от основной трассы и на ночь заезды туда закрываются. Но в спускающихся сумерках справа от дороги четко виднелась светлая широкая полоса Белых Песков, свет которой не могла приглушить даже густая наползающая тьма южной ночи. Пожалуй, больше всех расстроилась Татьяна, что мы не попали на таинственные Белые Пески. Она и в свой первый приезд не успела заехать сюда, в это, возможно, всемирное святилище народов. Хотелось прикоснуться к неизведанному, священному и одухотворяющему. Впрочем, есть хорошая народная примета: если один раз проехал мимо святилища, значит, надо посетить это место в будущем, в следующий раз.

Судя по рассказам, у местных жителей всегда были устойчивые связи с инопланетянами. До недавнего времени тут встречались с пришельцами из космоса. Но они сразу же попадали в поле зрения американских военных и бесследно исчезали. Вся информация о них тут же засекречивалась, как выражаются жители, у «вояк». Так неодобрительно отзываются о военных. У них тут в округе, в мексиканской пустыне расположены космодромы и различные испытательные полигоны, проводятся научные исследования. На картах наряду с землями индейцев их вотчины так и обозначены: «резервации армии». Их посты на дорогах встречаются довольно часто. Проверяют документы, а у иностранцев – обязательное наличие визы.

Вечером, вернувшись в Лас-Крузес, мы поужинали в доме у Ольги и Эндрю. Нас развлекал их славный Данила. У него удивительная память и музыкальный слух. Знал и с удовольствием пел на русском языке разные песни. Пионерские, комсомольские, народные. Репертуар у него был просто замечательный. Я шутливо сказал ему, что раз он «Данила», значит, мой батюшка, мой отец, ведь я «Данилович». Сначала этим он был слегка озадачен, пока ему не объяснили, почему так принято считать.

За ужином мы обменивались впечатлениями о первом дне у апачей. Было тепло и уютно.

В РЕЗЕРВАЦИИ АКОМА ПУЭБЛО

На другой день мы выехали из Лас-Крузеса на север по автомагистрали штата Нью-Мексико. Справа от нас извилисто петляющая, полувысохшая река Рио-Гранде с белым галечником на дне. А потоки почти все давно пересохли. По ним, как по ровному мощеному шоссе, можно ездить на машине. Вода здесь дороже золота. Слева пустынное мексиканское плоскогорье. Точнее, пустыня. Пустыню я вижу впервые в жизни. Мне всегда представлялось, что пустыня – это голый песок и больше ничего нет. А тут я вижу травянистые кочки, между которыми тут и там выглядывают колючие короткие шейки иззелена-светлых карликовых кактусиков. Зелень есть, стало быть, и жизнь есть.

Реку Рио-Гранде вы найдете во многих романах Майн Рида. Можно сказать, мы едем по майн-ридовским местам. Здесь в середине XIX века он сражался с мексиканцами и индейцами в составе оккупационных войск США. Но пораженный мужеством, храбростью и отчаянным сопротивлением индейцев, он все свое творчество посвятил этим народам юга Америки. Кто в юности не зачитывался его приключенческими остросюжетными романами «Белый вождь», «Оцеола, вождь семинолов», «Квартеронка», «Всадник без головы» и другими. После всю оставшуюся жизнь писатель словом и делом отстаивал справедливость и свободу угнетаемых народов. В частности, в Лондоне он помогал и всячески поддерживал вождя венгерской революции Лайоша Кошута.

Впрочем, в юности многие из нас зачитывались и романами Фенимора Купера о мужественных и свободолюбивых индейцах.

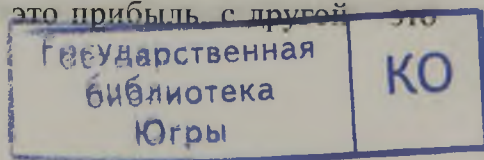
Мы едем уже несколько часов. Останавливаемся в придорожных кафе, пьем чай и кофе, едем дальше. Разумеется, интересуемся всем: историей, культурой, землями индейцев, святилищами, обрядами. Словом, всем, что видим и чего не видим, заглядывая в глубину веков и тысячелетий. Проблем в общении и в переводе нет. Ольга Балалаева одинаково хорошо владеет русским и английским. Эндрю Вигет все понимает по-русски, но говорит в основном по-английски. А Дональд Пепион, как истинный индеец, больше всего молчит. Совсем немногословен, невозмутим, скуп в жестах и движениях. Но его внутренний мир нам понятен и очень близок. Мы с ним, как все коренные народы, одними глазами смотрим на мир. С одинаковым трепетом воспринимаем лучи Солнца, капли Дождя, синь Неба, запахи Земли. Мы обращаемся к Дану, так все зовут Дональда в дружеском кругу, за пояснениями по наиболее сложным вопросам духовной жизни. Отвечает он коротко, но ясно и понятно. Порою, углубившись в себя, он долго сидит с напрочь отрешенным видом от быстротечного времени суетного мира.

Не все складно было в жизни у Дана. Только в самом конце нашего путешествия, перед самым расставанием мы узнали некоторые детали его биографии. Оказалось, что в первой половине своей жизни он пил, имел дело с наркотиками, бродяжничал, хулиганил, сидел в тюрьме. Словом, опустился на самое дно и должен был

погибнуть. Ждал конца своих дней. И однажды вдруг его словно озарило с Небес: если он умрет, его народ понесет большую утрату. Потому что народ слишком мал числом. Если погибает один человек большой нации, то нация не заметит этого. Потому что она большая. Если же погибнет один человек маленького племени, то племя станет еще меньше: значит, сделает еще один шаг к своей гибели. Стало быть, надо беречь свою жизнь для своего племени, для своего народа. Спасая свою жизнь, ты отдаляешь свой народ на один шаг от края пропасти, куда он может свалиться в будущем. И тогда он решил выжить. Выбрался из тюрьмы, самостоятельно избавился от всех своих дурных наклонностей и начал трудный путь подъема со дна, выучился, пришел в науку, стал руководителем Программы по сохранению культурного наследия индейцев в госуниверситете штата и духовным вождем племени. И теперь уверен, что уже ничто не собьет его с истинного пути служения своему народу. Поучительна история его жизни. Во многом она типична для коренных жителей американского континента. Я вспомнил, что на севере Канады, в провинции Квебек, в городке Куджуак познакомился с бывшим пилотом-инуитом с такой же судьбой. Тот также вторую половину своей жизни посвятил своему народу: поднявшись с кошмарного дна, в заброшенной деревеньке открыл реабилитационный центр для сородичей, попадающих в беду. Под своим руководством. Это стало делом всей его дальнейшей жизни. К сожалению, на Российском Севере таких примеров служения своему народу я не припомнил. Здесь известно немало случаев, когда человек, поднявшись со дна, как бы рождался заново, начинал праведную жизнь. Но чтобы он, с учетом горького опыта своей жизни, организовал что-то подобное для нуждающихся в помощи сородичей, пока таких примеров никто не знает. А сегодня как нужны нам такие скромные и незаметные люди-подвижники, помогающие реальными делами выжить своему народу.

В районе большого города Альбукерке с автомагистральной девятиногостью свернули на запад. Проезжаем земли небольшой резервации Лакуна. На землях Лакуны открыты крупнейшие месторождения урана, рассказывает Эндрю. Как всегда, это для племени и хорошо, и плохо. С одной стороны, это прибыль, с другой — это

- 091210 -

загрязнение природы, среды обитания. Земля вместе с недрами принадлежит резервации на правах общинной собственности. В таких случаях, как и в Канаде, есть два способа разработки полезных ископаемых. Хозяева либо создают свою фирму для добычи нефти, газа или угля, либо заключают договор с посторонней, специализирующейся в этой отрасли компанией. Других способов эксплуатации недр здесь не существует.

А колеса все крутятся, наматывая километры дороги.

Пустынное плоскогорье.

Буро-коричневая каменистая земля. Слева и справа, по краям долины, горы. Такие же буровато-коричневатые. Только чуть светлее, чем земля.

Дорога всегда наводит на размышления. Что увидел, что услышал, какие впечатления особенно запомнились. Я стал перебирать в памяти первые картинки на этой пустынной и сухой, казалось бы скупой на краски, земле.

В первые дни пребывания в Нью-Мексико одно явление весьма поразило нас всех. В пути где-то между Эль-Пасо и Лас-Крузесом мы проехали длинный ряд загонов, где стоял крупный рогатый скот. Скотоводческие фермы на 20 тысяч голов. Сразу возник вопрос: чем же кормят коров на этой пустынной земле? Как выяснилось, проблема решается очень просто. На орошаемых участках выращиваются кормовые травы. Снимают семь урожаев в году. Круглый год скот содержится в открытых загонах, подвозится только корм и подается вода. Мясопродуктов производят ровно столько, сколько требуется штату. Поневоле приходит мысль: почему такие хозяйства, если это возможно в пустыне, мы не можем организовать у себя дома, где на бескрайних поймах Иртыша и Оби растет сочная трава? И вывод напрашивается не очень корректный для наших сельхозников: просто не хватает головы.

Наконец, спустя более четырех часов, приезжаем в резервацию Акома Пуэбло. Это один из самых древних народов континента, культура которого уходит корнями в ацтекскую цивилизацию на территории Мексики, уничтоженную испанскими колонизаторами в XVI веке. Останавливаемся у административного здания. Это новый, оборудованный по последнему слову техники, солидный офис

с большим холлом, фонтаном и водопадом. Здесь главой является губернатор. Его не было на месте. Нас встречают вице-губернатор Грег Шутива и глава Совета старейшин Ойта Торталита. Они оба типичные индейцы – черноволосые, смуглые. Хотя одеты в европейские костюмы, но сразу видно, что это представители коренных народов, сохранившие свою самобытность и гены древних предков. Общая численность этого древнего индейского народа пуэбло составляет 32 тысячи человек. Часть живет в резервациях в штате Аризона. Язык их относится к юто-ацтекской языковой семье (это индейские народы хопи, зуньи, керес и тано).

У каждого племени, у каждого народа своя история. Чтобы получить землю вместе с недрами в собственность, предкам этого народа долго пришлось ходить по тропам войны. Так просто ничего не дается. За все надо бороться, все надо отстаивать. И землю, и собственность, и самое главное – свое право на жизнь.

Еще в середине XIX века Авраам Линкольн, шестнадцатый президент США, отменивший рабство, подарил Акома посох – символ власти и свободы. Такой же посох Акома имеет и от испанцев.

– Мы являемся государством внутри штата и внутри федерального государства, – не без гордости говорит Грег Шутива. – Возвратили частично свои исконные земли. По возможности прикупаем дополнительно земли у ранчеро (ранчеро – из испанского языка, владелец ранчо, крупного земельного владения, использующегося исключительно для выращивания крупного рогатого скота на мясо. Эти землевладения находятся на бывших индейских землях, однако ранчеро выкупали или получали эти территории у американского правительства). В 1840-50 годах США захватили у Мексики более половины ее территории, включая земли Акома пуэбло, что составило одну треть общей площади современных Соединенных Штатов Америки.

В резервации свое правительство, во главе которого стоит губернатор, избираемый на два года. Есть Совет племени – это представительный орган власти, состоящий только из индейцев. Туда не избираются белые и представители других племен. Есть свои судебные органы, которые рассматривают в основном гражданские дела. Своя полиция, свои различные инспекции. Хозяйственной

деятельностью занимаются 7 предприятий, контролируемых Советом по бизнесу. Совет же по бизнесу подотчетен Совету племени, то есть, в нашем понимании, своему парламенту. Кроме этого, есть совещательный орган – Совет старейшин, который также обсуждает все наиболее актуальные и важные вопросы. Всего в Акома пуэбло около 7 тысяч человек. Половина из них рассеяны по городам – уехали на заработки. Здесь в составе Правительства, в бизнесе и социальной сфере занято около 900 человек. Фонд оплаты труда составляет 2 миллиона долларов – зарплата выплачивается каждые две недели. Конечно, нужны образованные люди, которые могли бы заниматься вопросами управления во всех сферах, сетует Грег. Поэтому резервация частично оплачивает учебу своих студентов в университете.

Благодаря вниманию Правительства и Совета старейшин формируется прослойка своей интеллигенции. Почти в каждом доме читают книги популярной писательницы Акома пуэбло Сайма Нартисы.

Когда мы вышли из офиса, немного покапал мелкий дождик, но тут же и перестал. Глава Совета старейшин Ойта Торталита широко улыбнулся и сказал:

– Вы привезли нам дождь – это очень хорошая примета.

А Грег Шутива добавил:

– Мы все время молимся, чтобы был дождь и была вода...

Стало быть, мы очень дорогие гости. Возвысились в собственных глазах.

Дело в том, что все земли штата расположены на сухом Мексиканском плато. И главная река штата Рио-Гранде, как я уже говорил, летом почти совсем пересыхает. Можно пешком перейти с одного берега на другой. Словом, воробью по колено. И в прошлом многие войны здесь начинались из-за воды. Вчера по пути в Мескалеро мы проезжали Долину Смерти. Там от жажды погиб отряд испанских колонизаторов, который не сумел пробиться к источникам воды, защищаемым индейскими воинами.

За внешним благополучием, конечно же, кроются и нерешенные проблемы народа. Одна из них – вопрос сохранения родного языка. Раскладка такая: одна треть говорит на родном языке, еще

одна треть понимает, но уже не говорит, и последняя треть совершенно не владеет родным языком, говорит только на английском. Молодежь пользуется в основном сленгом. Остро стоят проблемы безработицы и алкоголизма. Совет племени пытается решить эти вопросы. Для создания новых рабочих мест организуются свои предприятия. А для любителей спиртного тут никаких условий нет. Как и во всех резервациях США и Канады, тут действует сухой закон. Закон законом, но самое главное – общественное мнение, позиция лидеров по этой проблеме. Во-первых, спиртное не продается ни в одной торговой точке. Во-вторых, все официальные приемы, торжественные обеды и ужины проводятся без спиртных напитков. В гости тоже ходят без бутылки. В-третьих, все религиозные обряды – здесь используют слово «церемония» – также проходят без вина и водки, точнее, без виски. За десять дней пребывания в этом штате мы не видели ни одного подвыпившего или пьяного индейца. Конечно, они выпивают. Но на территории резервации, если попался в общественном месте, их, видимо, прибирает к рукам своя полиция. А судья резервации сразу же отправляет таких в местную каталажку. Так что тут особо не разгуляешься.

Одна из доходных статей Акомы – это туризм. После беседы в офисе правительства резервации мы поехали знакомиться с землей пуэбло по туристическому маршруту. Сначала нас завезли в сувенирный магазин. Мы все дружно покупаем сувениры ручной работы, чтобы поддержать экономику коренных народов континента. В данном случае – Акома пуэбло. Потом покупаем талон на право фотосъемки. За каждый аппарат – 10 долларов. А на кинокамеры запретили снимать. Мы и не стали настаивать. На нет и суда нет, ничего не поделаешь.

Горы и долины.

Горы и каньоны.

Безоблачное ясное небо и много-много солнца.

И очень свежо.

Потом едем в поселение-крепость, поселение-музей.

Посреди долины возвышается громадная скала с отвесными склонами. На микроавтобусе, петляя по извилистой узкой дороге, как по тропе, поднимаемся наверх. Наверху древнее поселение,

город, крепость. Пуэбло по-испански означает «поселение». Здесь индейцы с древнейших времен строили из кирпича-сырца или песчаника многокомнатные дома-крепости до пяти-шести этажей. Этажи поднимались террасами, с глухими внешними стенами. В таком доме-крепости жили от одной до трех тысяч человек. Правда, здесь дома-строения в один-два этажа. Вместо внешних стен неприступная скала. Природа сама позаботилась о людях, поселившихся на этой скале-крепости. Вот по такому древнему поселению-крепости и водит нас молодой гид Брайен Шутива, сын вице-губернатора Грега.

Брайен очень внимателен к нам. Мы ходим по узким переулкам и улицам. Смотрим, снимаем самое интересное на фото. Здесь живут люди. Возле одной из дверей стоят дети, с любопытством приглядываются к нам. Но ни в одно жилое помещение нас не заводят. Не принято беспокоить жителей. Наш гид подробно отвечает на все наши вопросы. Мы спрашиваем про высокие лестницы, ведущие вверх, на плоские крыши строений. Как выяснилось, это ритуальные ступени для общения с верхним миром. Брайен готов выполнить любое наше пожелание, но при этом предупреждает нас о двух вещах:

— Мы никому не показываем только наши святилища и наши кладбища.

И правильно делаете, согласились мы с ним. Общение с покровителями – дело интимное. И тут не должно быть посторонних. И души предков не принято беспокоить. Такие табу есть и у наших народов ханты и манси. К сожалению, это табу в последнее время повсеместно стали нарушать.

Солнце стало садиться. Мы сфотографировались и стали прощаться с нашими любезными хозяевами Брайеном, Грегом и Ойтой Торталитой.

На закате дня множеством оттенков заиграли красные отвесные скалы, окружавшие нашу долину со скалой-крепостью посередине, на вершине которой мы прощались с гаснущим днем. Скалы красные, малиновые, розовые, пурпурные, багряные. Скалы сказочные, фантастичные, просто невообразимые. Будто мы все, как по волшебному мановению руки индейского шамана,

вдруг умчались в глубину многотысячелетней истории этой удивительной земли коренных жителей Акома пуэбло.

Этот народ произвел на всех нас большое впечатление. Вернувшись домой, Татьяна Гоголева разрешила мне процитировать в моих заметках несколько строк из ее записей. Вот что она записала: «Акома. Индейцы пуэбло. Родной язык – керес. 13 кланов: Солнца, Орла, Неба, Попугая, Кукурузы и т.д. Живут в природно-сказочных просторах, где много солнца, розово-нежных камней гор, ветра. Вкусно пахнет дымом. 25-летний юноша со своим кланом отвечает за песни – чтобы жили старые и сочинялись новые песни. Он спел нам песню рассвета. Спел приглушенным утренним состоянием голосом: благодарил покровителей за начало нового дня. Как и наши народы, индейцы очень талантливы как художники, певцы, воспеватели матушки-Земли. Со всеми поддерживают связи через своих духов. Чарующие виды родной земли воплощены в облике их покровителей – горных духов...»

Горные духи?!

В этот же день в Акома пуэбло я увидел таинственного покровителя гор в материальном воплощении под загадочным именем Танцующий Дух. Легкий, изящный и непостижимый. Видно, он и сопровождает нас в нашем путешествии по Солнечной Земле американских индейцев.

У НАВАХО

По пути, на землях племени навахо, заезжаем в одно из самых удивительных творений природы – на каньон Дэ Шей. Выходим из машин, по неширокой тропе меж мохнатых сосенок спускаемся к самому обрыву каньона, на смотровую площадку с поручнями. Сверху, с высоты птичьего полета – около двухсот двадцати метров – смотрим вниз, в каньон с отвесными скальными склонами красно-бурового цвета. Внизу синяя ниточка речушки-ручья, крохотный с высоты, со спичечную коробочку, домик, прямоугольник возделанного поля, два-три дерева. Там есть хозяин, там живет одна семья. Ольга переводит, а Эндрю и Дан, дополняя друг друга, рассказывают, что там во время колонизации отряды индейцев оборонялись

от испанцев. Вход в каньон один, между скалами. И воины-защитники по отвесной скале, вбивая колья, поднимались в удобные для стрельбы карнизы-террасы. Испанцы, если обнаруживали скалолазов, тотчас отстреливали со своих позиций у входа в каньон.

Прилетел орел, зоркий хозяин каньона Дэ Шей. Парит далеко под нами.

Красота невероятная.

В фильмах про американских индейцев обычно показывают Большой Каньон реки Колорадо. Но впечатление здесь более грандиозное, чем от фильма. Тут все наяву, в реальности. Можешь прикоснуться к красным древним скалам, которым миллионы лет. Можешь бросить в каньон камешек. И пока он летит, можешь загадать себе тысячу желаний, которые непременно сбудутся. Природа потрудилась немало времени, чтобы сотворить такое чудо.

С ощущением невероятной легкости, вдыхая одуряющую свежесть горного воздуха, с сожалением расстаемся с такой древнезагадочной красотой каньона Дэ Шей. Садимся в машины и продолжаем путь в административный центр резервации Навахо.

Эндрю сказал, что въехали на территорию штата Аризона. Мы не заметили, как пересекли границу между двумя штатами. В городке Виндоу Рокк, на землях этого народа, первой нас встретила мисс Навахо, мисс Красоты по имени Жаннели Этсити.

Навахо – один из самых больших индейских народов Америки. Они нам сказали, что их общая численность составляет около 225 тысяч человек. На землях же этой резервации проживает около 180 тысяч жителей. Эти цифры многократно превышают численность многих других племен коренных индейцев. По историческим письменным источникам известно, что навахо пришли на эти земли с севера американского континента. Племя воинственное. Навахо двигались на юг, жестоко расправляясь с местными индейскими племенами. Сейчас их резервация занимает 40 тысяч квадратных километров на стыке трех штатов – Аризона, Юта и Нью-Мексико. Большая часть земель расположена на административной территории Аризоны. Кстати, для индейцев здесь не существует границ.

Правительством резервации руководит президент, избираемый на четырехлетний срок.

В центральном офисе правительства нас сначала приняла мисс Навахо Жаннели Этсити. В своем национальном наряде королевы красоты она мило улыбалась нам и охотно беседовала с нами в ожидании, пока наступит назначенное время аудиенции у президента. Мы узнали, что конкурс красоты проводится традиционно через каждые два года. Жаннели завоевала этот титул на 2004-2005 годы. Как и во всех конкурсах красоты, учитываются не только внешние физические данные, но и коммуникабельность, и умение быть прекрасной хозяйкой и мастерицей на все руки. Тут есть и своя национальная составляющая – это знание языка, обычаев и обрядов, материальной и духовной культуры народа. Как мы поняли, у Жаннели большая общественная нагрузка. У нее свой офис с небольшим штатом сотрудников. Ее основная миссия – представительская. Она представляет свой народ. Она принимает делегации, рассказывает им о своем народе, отвечает на их вопросы. Рекламирует различные акции, начинания, проекты. Словом, создает и поддерживает положительный имидж племени.

Встреча с президентом готовится строго по официальному протоколу. После мисс Навахо нас принимает пресс-секретарь офиса Джордж Хардин, затем помощник президента. И только после этого в сопровождении большой группы местных журналистов попадаем в рабочий зал-кабинет президента. Но президента здесь еще нет. Нас рассаживают по заранее определенным местам и раздают папочки с информацией о каждом участнике встречи. И лишь после этого открывается дверь в противоположном конце зала и появляется сам президент Джо Ширли, мужчина лет сорока пяти, без пиджака, в простой клетчатой рубашке с индейским галстуком-шнурком. Он оказался совсем не таким чопорным и напыщенным, каким нам представлялся в приемной по суете его ближайших помощников. Он поздоровался, сел в свое кресло и предложил начать встречу с его радиообщения со своим народом, чтобы у нас сложилось представление о его работе. Раз в неделю он общается со своим народом по радио в прямом эфире. Ему по телефону могут задавать вопросы, спрашивать о каких-то общественных или личных проблемах. Девушка перед ним на столе устанавливает микрофон. В микрофон он коротко рассказал, что сделал за прошедшую неделю, где побывал, с кем встречался, какие вопросы обсуждал и решал.

Затем наш спикер В.С. Сондыков вдохновенно рассказал об экономических достижениях нашего автономного округа. Чем, по-моему, весьма ошеломил наших хозяев. Прежде всего, конечно, цифрами по добыче нефти, газа, выработке электроэнергии и древесины.

Потом началась беседа. Мы задаем вопросы. Меня, в частности, интересовало отношение президента Ширли к методам управления племенем навахо, органам представительной и исполнительной власти. Что лучше – современные или традиционные методы управления?

– В большей степени используем иностранные методы управления нацией, хотя они отнимают много времени и средств, – отвечает президент. – А вот судьи навахо в большей степени пользуются и традиционным обычным правом, когда устанавливают мир между людьми.

Под «иностранными» он подразумевает все неиндейское. Прежде всего, институт президентства, парламент, выборность органов власти. У них есть свой парламент, сейчас он распущен на каникулы. Традиционно же все племена управлялись властью пожизненного, общепризнанного вождя. И все вопросы обсуждались и решение принималось только консенсусом. Но времена меняются. И пришли к системе выборов, хотя это совершенно чужеродный элемент в управлении коренных народов: сеет только недовольство и распри между различными группами и лидерами в малых сообществах людей.

От вопросов управления перешли к экономике. В 1920 году на землях навахо открыли первые месторождения нефти. Сейчас, кроме нефти, здесь добывается газ, уголь, уран. 75 процентов бюджета резервации приносят природные ресурсы недр. В составе правительства важное место занимает Департамент по природным ресурсам. К примеру, доходы от нефти составляют в год 19 миллионов долларов, от газа – 2, от угля – 23 и так далее. В общей сложности ежегодные топливные отчисления в бюджет исчисляются цифрой в 58 миллионов долларов.

У президента Ширли своя программа действий. Сейчас у него пять приоритетов в борьбе с врагами рода человеческого. Он перечисляет их:

– Голод, болезни, нищета, зависть и жадность.

Пожалуй, с ним трудно не согласиться.

Мы выходим из офиса на площадь, которую полукругом обрамляет древняя скала, почти козырьком нависающая над землей. Посередине скалы круглое отверстие, через которое видно голубое небо. Очередное чудо природы. Словно отсюда начинается путь на небеса, к нашему Верховному Отцу.

Между скалой и зданием офиса водопад с фонтаном. Перед ним памятник воинам-навахо, погибшим на фронте во Вторую мировую войну. Индейцы в Америке, воспитанные в военных традициях, охотно идут служить в армию. И там их в процентном отношении значительно больше, чем представителей других народов. Между прочим, навахо с гордостью нам сказали, что их язык, как шифр, использовался в военных донесениях в годы войны. Разумеется, такой шифр не мог расшифровать ни один вражеский дешифровщик.

Вместо протокольного одного часа наша встреча с президентом заняла более двух часов. Он заинтересовался нашим краем, и у него возникло много вопросов. Василий Семенович от имени делегации пригласил его посетить наш округ, землю ханты и манси. И на прощание президент Джо Ширли сказал:

– Сделаю все, чтобы мои мокасины оставили след на вашей священной земле.

Похоже, нам нужно готовиться к встрече гостей из далекой и такой дружественной нам земли навахо.

В ПАРЛАМЕНТЕ ШТАТА

В Санта-Фе, административный центр штата Нью-Мексико, мы приехали поздним вечером. Остановились в хорошем отеле с одноименным названием «Санта-Фе», который принадлежит местному племени пуэбло. Нас познакомили с главой племени Ричардом Мермеджо, типичным индейцем лет шестидесяти на вид. Прямая гордая осанка. Скупые движения. Скупая речь. Длинная черная коса почти до середины туловища. Очень смуглое, словно красный камень каньона Дэ Шей, сурово-непроницаемое лицо. Только его черные живые глаза излучали тепло и большой интерес к нам, далеким гостям из Сибири. Было видно, что он искренне рад встрече с нами.

На другой день первым делом повели нас в парламент штата. Здесь, похоже, Василий Семенович почувствовал себя как дома, в Думе округа. Он расправил плечи, поднял голову, хозяйским взглядом окинул полукруглый зал заседаний и начал задавать вопросы. Он был как рыба в воде. Все знакомо, все близко, все вроде бы понятно. Наши гиды с готовностью и доброжелательными улыбками отвечали ему.

Губернатором штата является Билл Ричардсон. Ему 58 лет. Импозантный улыбчивый американец, гарцующий на огненном жеребце по кличке Солнечный Танец. Счастливый и довольный жизнью, он, казалось, вот-вот оторвется от зеленого луга и вместе с конем взлетит к небесам. Такое создавалось впечатление.

Нам представили Билла Ричардсона на цветном фотопортрете. Сейчас у парламента каникулы, и губернатора нет в столице штата – в Санта-Фе. Но сотрудники офиса с удовольствием говорят о нем. Он уже избран на второй срок. Пользуется доверием жителей штата. Демократичный и дальновидный политик, отслеживает все основные вопросы на территории штата. Все знает, что тут делается. Словом, как хороший хозяин в доме. Много внимания уделяет коренным народам Америки. Стабильно, четыре раза в год принимает всех руководителей индейских племен и обсуждает с ними наиболее актуальные проблемы. Это первый в США губернатор, который ввел такое правило по своей доброй воле. Ни в каких нормативных актах это не прописано. Невольно приходит мысль: хорошо бы это ввести в практику руководителей российских регионов, где проживают коренные малочисленные народы.

Недавно губернатор Билл Ричардсон подписал билль о бюджете индейских программ штата: если в 2004 году вся сумма составляла 30 миллионов, то в 2005 году она увеличена более чем в 2 раза и определена в 68 миллионов долларов. Конечно, это значительный шаг вперед, это значительный прогресс.

Нас сопровождают по зданию парламента два сотрудника. Это помощник губернатора по вопросам энергетики и окружающей среды Нэд Фаркухар, вежливый и предупредительный чиновник. Бледнолицый, как бы о нем сказали индейцы, то есть белый, похоже, англичанин. А второй наш гид – секретарь Кабинета по делам ин-

дейцев Бенни Шендо, типичный индеец, одетый в европейский деловой костюм. Видно, на нем завязаны все индейские дела. Потом в Санта-Фе я не раз слышал его имя. Примерно так упоминалось о нем: а что по этому поводу сказал Бенни Шендо? Или: надо спросить про это у Бенни Шендо. И так далее.

Здание парламента напоминает большую башню или огромный, обрубленный пень американской секвойи. Таким образом, основанием является большой круг, разделенный стеной на две почти равные половины. В первом полукруглом зале заседают 42 депутата — это сенат. Во втором зале, через стенку — палата представителей, там 70 депутатов. Впрочем, между нашим округом и штатом Нью-Мексико мы нашли много общего. Посудите сам: наши показатели по социально-экономическим параметрам довольно близки. По численности населения у них 1,8 миллиона человек (у нас 1,5), площадь территории — 315 тысяч квадратных километров (у нас 534), коренного населения около 200 тысяч человек, или 12 процентов от общего числа в 23 резервациях федерального значения (у нас 30), бюджет составляет 4,7 миллиарда долларов (у нас ок. 4). Единственная большая разница — это в численности членов парламента: у них 112 депутатов, у нас — 25. Эффективность, конечно, прежде всего определяется качеством работы, а не количеством занятых в той или иной сфере людей. Да, еще одно различие: у них есть национальная гвардия — 2000 стволов, каковой у нас нет. Хотя в давние времена, в период феодальной государственности обских угров, мы тоже имели свои хорошо вооруженные дружины.

В парламенте всего 6 депутатов-индейцев: двое в сенате и четверо в палате представителей. Но тут надо учитывать свою специфику, чисто американскую. В резервациях все вопросы, включая правовые и финансово-экономические, находятся в полном ведении федерального правительства и федеральных законодателей. Поэтому парламент штата особое влияние не оказывает на жизнь индейцев в их резервациях. До 1954 года индейцы вообще не принимали участия в выборах, не имели избирательных прав. Это мотивировалось тем, что индейцы — суверенные народы. В этом резон был: во-первых, зачем выбирать органы власти, которые никакого влияния на твою жизнь не оказывают. Во-вторых, процент голосов малочис-

ленного народа не оказывал никакого влияния на итоги выборов. Рассказывают, после Второй мировой войны один индеец-ветеран пришел на избирательный участок и был весьма удивлен, когда его имя не нашли в списках голосующих. Как же так: для войны он нужен, а для выборов он уже не нужен?! Вскоре после этого индейцы получили избирательные права. Но на выборы ходит небольшой процент, и ходят неохотно. Это и понятно: иностранное правило. А своих руководителей правительств резерваций до сих пор либо назначают, либо избирают. Все-таки консенсус, без процедуры выборов, ближе и понятнее всем коренным народам, тесно связанным с землей и исконным обычным правом.

Мы садимся за круглый стол в малом зале заседаний и открываем свое совещание. Вопросы в основном о работе парламента и проблемах коренных народов Америки, местных индейцев. Как всегда, Василий Семенович рассказал об автономном округе и деятельности нашей Думы и Ассамблеи представителей коренных малочисленных народов Севера. Сколько законов приняли, над чем сейчас работаем. А в заключение пригласил делегацию штата во главе с губернатором Биллом Ричардсоном посетить наш автономный округ. Мы обязательно передадим ему ваше любезное приглашение, пообещал Нэд Фаркухар.

После знакомства с парламентом Бенни Шендо пригласил нас в свой офис. Это уже в другом здании, где располагаются департаменты правительства штата. Мы садимся в машины и едем туда. Небо опять посмурнело. Дул сильный ветер. А потом повалил снег. Ничего удивительного, говорит Эндрю. Мы находимся в горах, на высоте четырех тысяч метров над уровнем моря. А в офисе Бенни Шендо уютно и тепло. Хозяин нас угощает чаем и кофе. Теперь беседа у нас неофициальная. Говорим о том о сем. У Бенни в штате 11 сотрудников с годовым содержанием офиса в 2 миллиона долларов. Проблемы, конечно, всегда есть. И охрана здоровья, и алкоголизм, и диабет, и создание инфраструктуры для индейцев. Это основные направления работы Кабинета. Он помолчал немного, а потом вслух помечтал о том, как посетит наш автономный округ. Его тоже многое заинтересовало в жизни ханты и манси. В особенности наша Ассамблея, представительство наших народов в Думе

округа, специальные законы по реализации их прав и интересов, их материальная и духовная культура.

Я человек команды, сказал на прощание Бенни Шендо. Пока губернатор Ричардсон руководит штатом, надеюсь, я остаюсь главой Кабинета по делам индейцев. Значит, будет возможность посетить вашу родину, такую от нас далекую.

После парламента полдня мы провели в Нью-Мексиканском историческом музее, где нам подготовили целую программу по истории и современности штата. Много внимания здесь уделяется развитию народных промыслов, народного творчества и искусства. В отличие от нашей страны здесь все, что связано с народным творчеством, классифицируется как искусство. А искусство есть искусство. Это вершина в творчестве художника, недостижимая для простых смертных высота. Музей проводит ежегодные Международные выставки-ярмарки изделий из серебра, полудрагоценных камней, дерева, кожи и так далее. Потом нас провели по Порталу, где авторы продают свои художественные работы.

Руководители музея проявили большой интерес к нашим международным конференциям, фестивалям, конкурсам, соревнованиям по биатлону, куда они изъявили желание приехать со своей выставкой самобытного творчества индейцев юга США. Мы только рады будем новой встрече.

Художник здесь на большой высоте.

После Исторического музея, пообедав, мы поехали в Музей искусства американских индейцев, который расположен в новой части города.

Здесь неизгладимое впечатление произвела на нас трехметровая статуя Элена Хаузера «Горное Божество». Она возвышается на площади перед Музеем искусства американских индейцев. Божество в ритуальном танце. В движении. В стремительном полете. Легкий, изящный, воздушный. Вертишь головой, и никак не можешь сообразить, куда же Божество летит, какие ритуальные и воинские атрибуты при нем, какие одежды или доспехи в его облачении, небесные или земные черты преобладают в его таинственно неуловимом облике.

Эта статуя настолько заряжена философскими, эстетическими, политическими смыслами, что музейную площадь превратила во второй центр города Санта-Фе, поясняет Ольга Балалаева. Старым центром города является крохотная Историческая Плаза возле портала в древней части города с одноэтажными особняками.

Здесь, возле «Горного Божества», мы вспомнили еще одну знаменитую нью-мексиканскую статую. Это памятник вождю Попэ, шаману племени Сан Хуан Пуэбло. Вождь и шаман Попэ знаменит тем, что в 1680 году возглавил индейское восстание против испанского владычества. Его монумент занял подобающее ему место в зале статуй Капитолия в Вашингтоне, где каждый штат имеет право установить две статуи знаменитых личностей, сыгравших большую роль в истории родного штата.

Впитывая неугасимую энергию движения, энергию жизни от «Горного Божества», невольно вспомнил наш окружной центр, где мы до сих пор не можем поставить памятник остяцкому князю Самару, патриоту, вождю и воину своей земли.

ПОСУЭНГЕ – ЭТО БУРНЫЕ КЛЮЧИ

Последняя резервация, где мы побывали, называется Повакве пуэбло. Это совсем близко от Санта-Фе, почти что в пригороде. Их самоназвание с языка пуэбло переводится как «Бурные Ключи». Мы уже, как помните, побывали у одной группы пуэбло, а это совсем другая ветвь этого народа. Они расположены довольно далеко друг от друга. Их территории не имеют даже общей границы. Площадь резервации составляет всего 25 тысяч гектаров, на которой проживает 350 представителей народа пуэбло. Как водится, со своим правительством. По нашим меркам, это всего одно родовое угодье. Но тут мы узнали много нового и поучительного.

Резервация оказалась вполне самостоятельной по всем показателям уровня жизни и политической зрелости.

В культурном центре Поэ нас принимал один из лидеров племени Дениэль Мойя, плотного телосложения парень лет тридцати с черной косой. На длинном рабочем столе, за которым мы сидим, две большие рыбины из красноватого дерева, с плавно изогнутыми хвостами, плывущие куда-то на восток. На подставках скульптур-

ные группы, на стенах картины, созданные руками художников племени. Мотивы на них совершенно разные, начиная от традиционных на скальных рисунков и заканчивая сегодняшним модернизмом и еще бог знает какими сверхмодными течениями в живописи.

Нас буквально поразил размах деятельности племени, не сопоставимый с площадью ее земель и численностью жителей.

Резервация все социальные программы финансирует из своего бюджета. Это бесплатный детский сад, куда ходят дети от 1 до 6 лет. Дом престарелых. Приют для бездомных. Причем, в этом приюте находят приют все бездомные, независимо от национальности. Там есть и много белых бездомных. Установили постоянную доплату к пенсиям стариков. Поддерживают благотворительные инициативы. К примеру, в церкви много лет протекала крыша, но не находилось спонсоров, чтобы отремонтировать ее. Наконец, церковь обратилась к резервации за помощью – и Совет племени выделил 25 тысяч долларов на ремонт. Теперь мы у церкви на очень хорошем счету, смеется Дениэль Мойя.

В резервации отслеживают две приоритетные программы:

- первая – это развитие земли,
- вторая – защита земли. Точнее, воды.

Скульптуры рыб на столе – это символ сохранения реки, символ сохранения воды, символ очищения воды. Вода – это жизнь. Мы весьма озабочены чистотой наших рек и ручьев, говорит Дениэль. Постоянно боремся за воду. Иногда ситуация складывается парадоксальная: на некоторых реках вода принадлежит резервации племени, а земля по берегам – штату Нью-Мексико. Вот так и живем, подводит итог молодой лидер Бурных Ручьев.

Но самый главный приоритет у племени – это получение образования. Нас мало, всего 350 человек, поэтому мы должны получить хорошее образование, чтобы потом использовать свои знания во благо народа, размышляет наш хозяин. Свои права можно отстаивать только в том случае, если имеешь хорошие знания и практику. Мы добились того, что 25 процентов молодежи учится в высших или средних учебных заведениях. Это, без сомнения, самый большой процент среди индейских народов США. Интеллект мы ценим выше, чем деньги.

Каждый человек племени – созидатель.

В племени нет ни одного безработного.

В резервации создано три тысячи рабочих мест. Это на 350-то человек?!

Еще одна интересная деталь. В штате 14 казино. 13 из них платят налог в казну штата. Только одна резервация отказалась платить этот налог – Повакве пуэбло. Не платит принципиально. Власти штата подали в суд на резервацию неплательщиков. Тогда Повакве пуэбло мобилизовали своих юристов, частично пригласили белых правоведов по найму. Начался судебный процесс между племенем и властями штата. Диалог в суде выглядит примерно так:

Штат – племени:

– Платите налог с казино.

Племя – штату:

– Не будем платить – это наша земля.

Штат – племени:

– Все резервации платят этот налог – и вам надо платить.

Племя – штату:

– Хорошо, начнем платить налог. Но сначала возьмите финансирование всех наших социальных программ и рабочих мест трем тысячам человек. Или выплачивайте пособие по безработице этим трем тысячам жителей. Выбирайте, что лучше.

Тут судебный пыл властей штата очень заметно пошел на убыль. Чиновники штата призадумались, стали прикидывать, что лучше. Нужно разрабатывать и отслеживать реализацию программ, изыскивать финансовые средства в бюджете штата и так далее. Понятно, им совсем не хочется вешать на штат, вернее на себя, лишнюю головную боль. Кому это надо? Тут уже все отлажено, все работает. Никаких острых социальных проблем, все стабильно.

Теперь судебный процесс уже ведется ради проформы. Идет ни шатко ни валко. Властям штата просто хочется сохранить свое лицо.

Потом затронули вопрос, в чьем ведении лучше было бы резервации. Штата или Федерального правительства США? Наверное, тут есть свои плюсы и минусы. На первый взгляд, административный центр штата близко, совсем рядом, а до Вашингтона, чтобы оперативно решать свои вопросы, далековато и материальные затраты большие.

Да, конечно, можешь быть не всегда услышанным в Вашингтоне, вслух стал размышлять Дениэль Мойя. Но мы уже привыкли к Федеральному центру. Так уж исторически сложилось. Все договоры подписывались только между индейскими народами и Федеральным правительством. Если бы нас отдали штату, то через 2-3 года мы бы перестали существовать как народы. Штат превратил бы наши земли в помойку.

Он так и выразился, употребив слово «помойка». И вспомнил случай, когда несколько лет назад власти штата попытались захоронить на их землях какие-то промышленные отходы. При этом цену за это предлагали вдвое меньшую, чем федеральные власти. Это понятно, почему так получается: местным органам власти нужно решать сиюминутные проблемы, мало задумываясь о будущем. Обычно рассуждают так: вопросы завтрашнего дня пусть решает тот, кто к власти придет завтра. А вот федеральному правительству по статусу приходится заниматься стратегическим планированием в жизни страны и общества. Все-таки оно смотрит дальше.

Естественно, одни проблемы решаются, другие возникают. Если территориальная колонизация в основном завершилась, то культурная и физиологическая колонизация продолжается. Это понимают многие индейцы.

Между тем еще на одну проблему Дениэль все-таки посетовал: на очень низкое качество медицинского обслуживания коренных жителей. На одного доктора приходится 80 человек. Это совсем низкий показатель по американским стандартам.

Потом мы вышли во двор и прошли по разным пристройкам к основному офису, где люди занимались различными промыслами. В нашем понимании, это небольшие мастерские. Мужчины работали над поделками из камней и дерева, женщины плели и шили вещи из ниток, тканей и кожи. Словом, все были заняты делом. Дениэль Мойя молча вел нас между столами и станками и улыбался. Словно без лишних слов подтверждал свой тезис: у нас нет ни одного безработного индейца.

Можно только позавидовать им, подумалось мне и, наверное, всем моим спутникам.

МУЗА ДЖЕННИФЕР ФОРСТЕР

С Дженнифер Форстер мы познакомились в Институте американского индейского искусства в Санта-Фе. В ожидании президента института Розе-Мари Диас, которая явно запаздывала на нашу встречу из-за неожиданного снегопада и плохой видимости на дорогах, мы бродили по выставочному залу. Потом заглянули в библиотеку. Тут к нам подошла черноволосая стройная девушка и сказала, что хочет познакомиться с писателями, которые приехали в составе группы гостей в их институт. О них она узнала из программы встречи. Ольга Балалаева ей представила нас с Марией Вагатовой.

Так мы встретились с первой поэтессой во время нашей поездки.

Выяснилось, что Дженнифер относится к известному 70-тысячному индейскому народу кри, который живет в Канаде в провинциях Онтарио, Манитоба, Саскачевани Альберта. Училась она в США, в штате Пенсильвания. Потом пришлось много поездить по разным странам, поскольку отец у нее дипломат. После школы заинтересовалась своими индейскими корнями, их древней культурой и фольклором. Поступила в этот институт, закончила факультет литературы и поэзии и осталась здесь преподавателем. Но она совсем не была похожа на типичную индианку. Скорее, в ней угадывались все характерные черты средиземноморских южанок, ведущих свою родословную от выходцев из Италии или Испании. Длинные, ниспадающие на плечи черные прямые волосы, чуть удлиненное лицо с мягкими овальными линиями, прямой нос, сбоку напоминающий классический римский профиль, но более мягкий, более женственный. Черные удлиненные брови и огромные глаза, наполненные непроницаемой тьмой южной ночи. Глаза томные, таинственные. Но никогда не знаешь, что в них таится. Нежность или необузданная страсть, любовь или ненависть? Телом стройные и гибкие, как русалки. Пожалуй, образ типичной южанки создала Элизабет Тейлор в роли египетской царицы Клеопатры в одноименном американском фильме. Видно, и у предков Дженнифер по одной из родительских линий были в прошлом родственные связи со Средиземноморьем. Возможно, с Италией. Сейчас речь шла об индейцах, и я сказал ей:

— Я встречался с вашим народом в Канаде.

– Где вы там бывали?

– В Торонто, в Калгари. Ездил в резервацию.

– И вам там понравилось?

– Да, узнал много интересного и поучительного.

– Там есть на что посмотреть.

– На Маккензи впервые сел на собачью упряжку, – стал я припоминать свои поездки на Арктическое побережье Канады. – А в Еллонайфе мне рассказывали про знаменитого морского охотника. А когда познакомились, этим охотником оказалась... женщина.

– Представляю, – сказала она и лукаво улыбнулась. – У нас женщины не столько женственные, сколько воинственные...

– Я бы не сказал...

Но тут наконец появилась госпожа Розе-Мари Диас, и она начала рассказывать про институт. Речь ее была немного занудной и скорее напоминала лекцию, поэтому я слушал ее вполуха. А вполглаза поглядывал на Дженнифер, которая что-то писала в блокнотике. Глядя на нее, я вспомнил один из самых пронзительных и драматичных рассказов Джека Лондона под названием «Мужество женщины».

Аляска.

Река Маккензи.

Жестокий мороз.

Глубокие снега.

Мучительный голод.

И могучая любовь индейской девушки Пассук...

Я смотрел на Дженнифер и думал про героиню Джека Лондона.

Потом переключился на рассказ директрисы госпожи Диас. Впрочем, в ее речи было немало интересной информации. Как зародился институт? Общественность была очень обеспокоена тем, что стало размываться традиционное индейское искусство. Очень интенсивно. Тогда под давлением прежде всего деятелей культуры и искусства штат выделил 140 акров земли, на которых началось строительство институтского комплекса.

Основная цель института: совместить два мира – традиционный и современный. Понятное дело, в искусстве. Впрочем, в жизни тоже.

Здесь учатся студенты из 90 племен Америки. В программе живопись, графика, скульптура, народные промыслы, фольклор. Есть спецкурсы по повышению квалификации. Есть писательский факультет, где обучаются одаренные поэты, прозаики, сценаристы, журналисты и другая творческая братия. Преподают здесь ведущие индейские художники, скульпторы, писатели. По мере необходимости разрабатываются новые программы и вводятся новые образовательные дисциплины. К примеру, по туризму, по новой национальной кухне, по гостиничному менеджменту, по сельскохозяйственным профессиям и специальностям. К слову сказать, 80 процентов всех овощей и фруктов в мире были культивированы жителями Южной и Средней Америки.

В институте изучается язык индейцев навахо. Но проблема сохранения и развития индейских языков стоит особенно остро. Поэтому разрабатываются программы по изучению языков других групп индейцев.

— Сейчас очень популярным стало изучение родных языков методом погружения в язык, — сказала госпожа Розе-Мари Диас.

И привела пример: в Новой Зеландии только 13 процентов маори владели родным языком. Там запустили программу изучения методом погружения в язык. Сейчас владеют родным языком уже 70 процентов маори. Цифры просто поразительные: 13 и 70. Маори я знаю. Это полинезийский коренной народ численностью около 320 тысяч человек. Встречался с их представителями в Рио-де-Жанейро в 1997 году, на конференции по разработке Хартии Земли Рио+5. Если есть столь эффективная программа сохранения языка, значит, языки коренных народов не умрут. Правда, я не уточнил, за какой период сумели освоить родной язык эти 57 процентов коренных жителей маори. Я понимаю, что это освоение языка на уровне разговорного. Но ведь для начала и этого вполне достаточно.

Между тем госпожа Диас закончила свою лекцию-речь. Затем выступали преподаватели и студенты. Правда, их выступления были намного короче, чем у их президента. В самом конце встречи дали слово и знакомой уже нам поэтессе Дженнифер Форстер. Она посмотрела в зал, обвела взглядом нашу группу. И сказала,

что сейчас прочитает стихотворение, которое посвятила нам. Она читала на английском языке. Мы дружно поаплодировали ей.

Потом госпожа Розе-Мари Диас провела нас по основному корпусу института. На каждой стене, в каждом удобном углу творческие работы преподавателей и студентов. Живописные, графические, скульптурные и так далее. Словом, мы окунулись в два мира – традиционный и современный. А у выхода, когда прощались с гостеприимными хозяевами индейской обители искусства, Дженнифер принесла свое отпечатанное на листочке, посвященное нам стихотворение. В тексте она обратила наше внимание на две строчки курсивом.

– Это обращение к женщине на моем родном языке, – сказала она. – А следующая строка – обращение к мужчине тоже на моем языке. В сносках я перевела эти слова на английский. Так что сможете прочесть.

В сносках написано: «хокте» – женщина. Значит, так называется женщина на ее родном языке. Еще три слова на языке ее племени: «мужчина», «видеть» и «видение». Что ж, очень даже поэтичный ряд образов.

Мы поблагодарили ее и попрощались.

Видно, она всерьез решила из современного мира вернуться в традиционный мир своих предков.

В ГОСТЯХ У СИЛЬВИИ ДЕМСИ

Нас пригласила в гости Сильвия Демси из племени навахо, студентка государственного университета Нью-Мексико, которая в прошлом году побывала в нашем округе.

– Вас ждет ритуальный баран, – сказала она.

Как тут откажешься от такого приглашения. И мы приехали в ее дом с опозданием, в первых вечерних сумерках. Сильвия встретила нас со своим другом. Его зовут Мэттью Шанкамолла. Он из племени кайова. Это малый просто богатырского сложения и по росту, и по силе. Год назад он вместе с Сильвией также посетил наш округ. Раз мы опоздали, то участь барана была решена без нас, душу его отдали кому следует, и он уже перебрался на стол.

В доме было человек тридцать гостей. Одна половина – родственники со стороны Сильвии, другая – родичи Мэттью. Родители, бабушки, тетушки, дядя, братья, сестры. Детей было совсем немного – может быть, всего два-три ребенка. Все типичные индейцы. В доме все было чинно, все делалось не спеша, без суеты. Все с нескрываемым интересом приглядывались к нам. Было видно, что никто из них не был за океаном, в России или в бывшем СССР. Но, видимо, наслышаны всякого о той неизвестной заморской жизни. Но все были настроены доброжелательно, дружелюбно. Сначала нам вручили сувениры и подарки. Так делается и у нас. Далеким гостям обязательно было принято дарить что-нибудь – в память о доме. Мой отец всегда строго соблюдал этот обычай. Сейчас мне досталась репродукция с картины местного индейского художника с символическим сюжетом. Называлась «Мать-Земля и Отец-Небо». Мне непременно пригодятся такие всеильные покровители от индейского народа, подумал я. Удивительно, даже в пантеоне богов у нас есть много общего.

Потом, после всеобщей молитвы на индейском языке, нас пригласили к столу. Мы чинно уселись и принялись за трапезу. Похоже, баран в их жизни играет такую же важную роль, как и олень у нас на Севере.

После ужина мы вручили хозяевам наши сувениры и подарки. Прощальные слова сказали Татьяна Гоголева и Надя Алексеева. Потом произнес прощальную речь Василий Семенович. И мы вышли на улицу, во двор. Двор был почти полностью забит машинами гостей. А на черном южном небе ярко блистали звезды.

Дом стоял на пологом склоне горы. Перед нами неширокая буроватая долина. За ней невысокие древние горы. Сильвия показала на этот горный массив и сказала:

– Здесь снимался фильм «Супермен».

Этот американский сериал недавно показывали по нашему телевидению. Там инопланетянин, главный герой, прибыл на нашу Землю и творил тут всякие чудеса. Сейчас, в ночи, под мохнатыми звездами юга, нам показалось, что мы сами попали на таинственную, далекую от нашей родины планету, где каждый день открываем для себя что-то новое, ранее неизвестное. Это ли не чудо в жизни?

«ОДНО МГНОВЕНИЕ В МОЕЙ ЖИЗНИ»

По пути в Санта-Фе заехали к Тиффани Ловато из племени пуэбло. Она тоже студентка госуниверситета Нью-Мексико. Тоже год назад побывала у нас в Ханты-Мансийске.

Яркий солнечный день. Буровато-коричневая земля по долинам гор. Красноватые таинственные горы. Ярко-зеленые пятна хвойных лесочков на склонах и перевалах. Голубое небо над головами. Тепло, но не жарко. Горный воздух освежает, кажется, не только все пространство вокруг нас, но и всю планету.

Останавливаемся у бензоколонки. Эндрю звонит по телефону. Минут через 5-6 подъезжает Тиффани. Она типичная черноволосая и черноглазая индианка с мягкими округлыми формами. И очень жизнерадостная. На нее приятно смотреть. Хотя она немногословна, как все индейцы, но впечатление такое, что она все время говорит, о чем-то рассказывает. Настолько у нее живые глаза, подвижная мимика лица, выразительные движения рук, головы и всей фигуры. Внешне она напоминает мопассановскую Пышку, но только в юном возрасте. Мы едем за ней. Проехав немного, по пологому склону начинаем спускаться вниз, в округлую низину, где на ровной бурой земле, словно игрушечные, стоят домики индейского поселения. Они все новенькие, одинаковые. Стены из сероватой глины. Видно, из современных строительных блоков. Возле домов никаких надворных построек, только площадки для стоянки машин. Никаких заборов, штакетников или изгородей. От внешнего, «живого» мира ничто тебя не отделяет, ничто тебя не огораживает.

Возник вопрос: почему мы сразу сами не въехали в поселение? Дан Пепион хитро улыбается, оглядывается на овальные вершины гор и говорит:

– Мы приехали во время ритуального праздника...

Оказалось, во время большого ритуального праздника резервация племени на две недели закрывается от всех посторонних... По древней традиции, на горных вершинах сидят разведчики-наблюдатели и смотрят, чтобы ни один посторонний человек не проник на их землю. Если бы мы ехали без сопровождения Тиффани, нас бы непременно остановили. А тут наблюдатели видят, что нас встре-

тили, значит, мы гости званые. В поселение можно въезжать. А сам священный обряд проводится в горах, в строго определенных для этого местах, куда женщины и чужие люди не допускаются. Там принимают участие только мужчины. Отца и брата Тиффани мы так и не видели – они были там, в горах, на ритуальном обряде.

Входим в дом. Попадаем сразу в уютную прихожую-гостиную. Тиффани представляет нам свою маму, которая как две капли воды похожа на свою дочь. Будто они сестры-близнецы. Только разница в возрасте чуть-чуть заметна. Причуды природы?

Хозяйки хлопчут у стола, на котором уже расставлены блюда индейской традиционной кухни. Узнаю только кукурузу. Про остальное надо спросить. Тут нас ждали, все уже готово к приему гостей. Принимаемся за торжественный обед. Беседуем. Потом пьем кофе. После осматриваем дом, подсобные помещения. Все удобства в доме. Все прибрано, чисто, очень по-домашнему. На стенах картины, фотографии в рамках, вышитые вручную национальные коврики, луки и стрелы.

У входных дверей, справа, небольшое фото, на котором Тиффани с высоким парнем явно неиндейских кровей, похоже, бледнолицый. Оба улыбаются. Радостные, веселые, торжественные. Возможно, на каком-то празднике. Под фото надпись по-английски: «Одно мгновение в моей жизни». Что бы это значило? А это значит, что девушке или парню, прежде чем сделать выбор, надо крепко подумать. Если вы выходите замуж за парня не из своего племени, ваши дети в резервации теряют право собственности на все. Тут родословная ведется по материнской линии. Все в доме принадлежит женщине. Сам дом, что в доме и что вокруг дома, включая землю. Мужчине принадлежат только украшения, которые всегда на нем, и конь. Все, больше он ничего в жизни не имеет. Право наследования, точнее, ненаследования, распространяется и на детей, которые родились от брака с женщиной не своего племени. Инонациональные браки племенем не поощряются, но прямого запрета на них нет. Но зато четко и строго регулируются вещными правами. В этом, наверное, есть резон. Малочисленный народ все равно не станет многочисленным за счет прироста. А вот на какой-то обозримый исторический период, как выражаются ученые, свою аутентичность и идентичность

сохранить можно и нужно. Все народы земли тем и ценны для человеческой цивилизации, что не похожи друг на друга.

Между тем Тиффани взяла ручные жернова и показывает, как в старину мололи зерна кукурузы. Впрочем, и сейчас, когда нужна свежая кукурузная мука, хозяйки пользуются таким видом молотбы, говорит она.

Начинаем собираться в дорогу. На прощание юная хозяйка оставила в моем блокноте свой автограф: Тиффани Ловато, Санта-Доминго, Пуэбло.

Прощаемся. С сожалением расстаемся с гостеприимным домом.

Выходя из дома, вижу краем глаза радостную Тиффани на фото и надпись под ним:

«Одно мгновение в моей жизни...»

Что ж, пожалуй, она права. Нужно довольствоваться каждым мгновением в нашей быстротечной жизни.

В ИНДЕЙСКОМ КОЛЛЕДЖЕ

В индейском Колледже нас принимала вице-президент Мэгги Несефер из клана Горькой Воды. Как бы помягче выразиться: индианка суровая. Полностью оправдывает название своего рода. Как будто только что отложила в сторону томагавк, лук и стрелы. На тропе войны лучше ей не попадаться. Пощады не будет. За все время нашей беседы ни разу не улыбнулась. Ни разу не смягчила черты своего лица. Потом она извинилась: надо идти на занятия. И передала нас на попечение преподавателя по имени Хери.

Хери оказался малым добродушным, романтичным и очень лирически настроенным. Первым делом он внушил нам, что у них нет понятия «искусство», а есть только понятие «религия». И все здесь строится на цифре «4». Четыре стороны света. Четыре времени года. Четыре горы окружают земли навахо. Четыре... Словом, все строится на четырех. Все традиционные знания связаны с цифрой четыре.

Возьмем четыре стороны света.

На востоке встают Солнце и Луна. Это рассвет, зарождение жизни, начало жизни. К человеку приходит сознание. Ум ребенка ясен и чист.

Юг – это день, подростковый период в жизни человека. Приходят знания, умение выращивать овец, умение ткать ковры.

Запад – это зрелый период жизни человека. Зарождается любовь. Люди женятся, выходят замуж, рожают детей.

Север олицетворяет элементы в жизни, которые носят разрушительный характер, но не разрушают совсем, не разрушают окончательно. Эти элементы используют для защиты жизни. Это песни, сказки, вы становитесь шаманом. Это период среднего возраста человека. После, когда человек превращается в старика или в старуху, он возвращается в детство. Снова возвращается на восток.

Цикл замыкается. Все проходит в жизни в этом цикле.

И комплекс этого Колледжа спроектирован строго по этому циклу, по этому принципу. Мы вошли в помещение с востока. Восток – это вход в жилище. На юге расположены классные комнаты. Там студенты получают знания. На западе жилые помещения, точнее, общежития. На севере ничего нет – там только спортивные площадки. В центре комплекса – очаг, огонь, место приготовления пищи, кафетерий.

– Вот так и живем и строим с учетом традиционной религии индейцев, – сказал Хери.

Колледжу исполнилось 37 лет. По Федеральному закону 1968 года финансирование производится частично из федерального бюджета, частично – из бюджета резервации навахо. Соответственно есть стипендии федеральные и от резервации. Две тысячи студентов получают знания по 16 специальностям. Учителя, средний медицинский персонал, бизнес и так далее. Заключаются договоры с различными департаментами на подготовку нужных им специалистов. Есть программа дистанционного обучения по телевидению и интернету на несколько штатов США. Есть программы по стажировке специалистов. Абитуриенты принимаются без экзаменов, только по итогам собеседования. С неудовлетворительными знаниями оставляют на второй год. Средний возраст студента 23 года.

Все студенты одновременно учатся и работают.

Уникальность Колледжа в том, что здесь в образовательном процессе стараются сочетать западную и традиционную культуру. Конечно, западная модель образования навязана нам извне, размыш-

ляет вслух преподаватель Хери. Более эффективна традиционная модель для восстановления традиционной культуры. К примеру, главное требование к учителю родного языка в начальной школе – свободно владеть языком. А по западной модели бумажная отчетность поглощает массу драгоценного учительского времени.

Еще одна особенность Колледжа: здесь не отчисляют студентов за неуспеваемость. Их оставляют на второй год, с ними занимаются дополнительно. Выявляют причины и устраняют причины, почему студент неудовлетворительно осваивает материал.

Третья особенность Колледжа: здесь не обучают тем специальностям, которые не будут востребованы в реальной жизни. Стало быть, сразу снимается вопрос трудоустройства выпускников. Подумалось: хорошо бы этот опыт использовать у нас в округе. Кто направляет студента учиться, тот и трудоустраивает. К примеру, это могли бы делать национальные общины и поселения-деревни. В последние годы у нас в округе возникла проблема трудоустройства выпускников вузов и средних специальных учебных заведений.

На одном из этажей Колледжа, когда мы знакомились с комплексом, Хери остановил двух своих коллег, очень энергично спешивших куда-то по коридору, и представил их:

– Это наши шаманы.

– Откуда вы? – спросили они.

– Из России, из Сибири.

– А, из Сибири? У вас там тоже есть шаманы?

– Да, конечно.

– Ну, привет!

Старший из них в моем блокноте оставил автограф:

Уилсон Ачонелф, Цейл, Аризона и адрес.

Когда они ушли, мы почти хором спросили:

– Что они здесь делают?

– Учат и лечат. Это же традиционная медицина, – ответил Хери.

Потом он пояснил: в госпитале, если больной пожелает, к нему в палату приходит шаман. Как врач, как духовник, как друг. Теория проверяется на практике. Современное накладывается на традиционное. Вот вам и шаман.

Похоже, здесь давно и всерьез начали использовать древние знания и традиционную культуру коренных народов земли на благо человека. И в индейском Колледже эти знания и опыт передаются молодежи, чтобы не прервалась связь поколений, чтобы не кануло в Лету все истинно полезное и разумное.

Когда покидали Колледж, мне вспомнился индейский поселок на Мичигане. Доктор Кларенс, как пишет про своего отца Эрнест Хемингуэй, принимал тяжелые роды у индианки. Роды настолько мучительные, что отец ребенка не выдержал страданий жены и добровольно ушел из жизни. Получилось так, что одна жизнь зародилась, а другая угасла. Почти в одно и то же мгновение.

Теперь я понимаю, что там, на Мичигане, в индейском поселке тогда не было шамана. Будь там шаман, не угасла бы преждевременно жизнь человека индейского племени.

СКОТТ Н. МОМАДЕЙ

Скотт Н. Момадей специально на один вечер приехал из Тусона, из штата Аризона, и устроил прием для нашей делегации в большом зале в ресторане гостиницы, где мы остановились в Санта-Фе. Зал был полуовальный и напоминал северное полушарие планеты. Для удобства обозначим все стороны света: юг – север, запад – восток. Экватором была южная стеклянная стена. У центра этой стены, охватывая зорким орлиным оком все полукружие пространства, за круглым столом в кресле с высокой спинкой восседал хозяин вечера мэтр Скотт Момадей. Это один из самых известных и популярных писателей Америки, вождь, духовник индейцев южных штатов, президент фонда «Трест буйволов» и просто уважаемый, почитаемый и читаемый автор и человек индейского народа кайова. С белой седой гривой, с непроницаемым, позолоченным солнцем лицом, с богатырским торсом, большой, немного грузный, но излучающий мягкий и приятный свет широкой натуры, казалось, заполнил собою все пространство-полушарие ресторана. Как все индейцы, говорил он очень мало. И его первый тост был кратким:

– За моих дорогих друзей из страны, которую я очень люблю!

Зато Василий Семенович в ответной речи вспомнил про все

достижения нашего округа, упомянул почти всех депутатов Думы, губернатора, представителей интеллигенции, словом, всех, кто приложил руку к этим успехам в экономике и культуре. Он сидел по правую руку от хозяина вечера. И С. Момадей часто обращался к нему как к спикеру Думы и литератору. Василия Семеновича представили ему и как автора недавно вышедшей солидной книги публицистики «Я эту землю знаю с детства».

С поэтессой Марией Кузьминичной Вагатовой Скотт Момадей подружился в свою первую поездку в наш округ, когда они обменялись своими книгами, своими песнями, своими мыслями о будущем. А с Татьяной Гоголевой и Надеждой Алексеевой он также не однажды встречался в Думе округа в Ханты-Мансийске и на конференциях и совещаниях в Москве.

Словом, к нему приехали друзья.

И Скотт Момадей собрал здесь весь цвет Санта-Фе, штата Нью-Мексико и штата Аризона. Писатели, художники, вожди племен, бизнесмены, деятели науки и культуры, чиновники государственных учреждений и организаций. Его сопровождают супруга Барбара и дочь, Гэл Момадей, девушка с длинными, ниспадающими на плечи, цвета воронова крыла волосами. С огромными, как два черноводных озера, глазами. Задумчивая и таинственно-молчаливая. За весь вечер, по-моему, она не произнесла ни одного слова.

Потом слово взял вождь местного племени пуэбло Ричард Мермеджо, который вместе с супругой занимали места по левую руку от Момадея.

В зале мы сидели за большими круглыми столами. Нас, гостей, рассадили таким образом, чтобы рядом был переводчик или кто-то из хозяев, владеющий несколькими языками, в том числе и русским. Мне досталось место на самом «северном полюсе, в центре Арктики», напротив С. Момадея. На западе полушария-зала в красивом мансийском наряде за круглым столом блистала Татьяна Гоголева. Надя Алексеева, тоже в национальном платье с бисерным нагрудником, что-то увлеченно рассказывала хозяевам на востоке. В центре зала, чуть приподняв руки с раскрытыми ладонями, словно загипнотизиров слушателей, похоже, читала стихи Мария Кузьминична.

Выступали все. Говорили много. Разумеется, говорили умные слова. Говорили о единении народов, стран, культур. Пожалуй, это была одна из основных тем вечера.

Словом, вечер удался на славу.

В конце концов я упустил общую нить речей. Точнее, кто и что говорил. И переключил внимание на своего соседа.

Слева от меня оказался Майкл Питерс, президент Колледжа святого Джонса. Как выяснилось, он долгое время работал и жил в Москве. Правда, это было двадцать лет назад. Но русским языком до сих владеет хорошо. Мы разговорились. Он сказал, что всего несколько месяцев назад приехал из Нью-Йорка, чтобы возглавить Колледж в Санта-Фе. Я вспомнил про свои поездки в Нью-Йорк, в его родной мегаполис.

– Вам понравился Нью-Йорк? – спросил он.

– Да, – ответил я.

– А чем понравился?

Я на минуту задумался. Многие не любят большие города. Но у меня об этом городе остались теплые воспоминания. И тут я понял, в чем дело. На меня нагоняют тоску пустынные улицы, пустынные поселения, пустынные города. Город без людей мертв. А Нью-Йорк вечно живой. В какое бы время суток я и выходил из отеля, будь то поздний вечер или глубокая ночь, я всегда попадал в водоворот жизни, в водоворот людей. Всегда все открыто, все работает, все светится, все движется. И я сказал Майклу:

– Нью-Йорк – это бурлящая жизнь.

Он улыбнулся и сказал:

– Верно, там все бурлит.

Тут мы приумолкли. Нас вернула в Санта-Фе Барбара, супруга Момадея. Ей предоставили слово. Она вспомнила про поездку с С. Момадеем в Ханты-Мансийск осенью прошлого года, на VIII Международный конгресс финно-угорских писателей. И высказала в адрес нашей делегации и округа много теплых пожеланий.

Между тем Майкл, оглядывая зал, решил получше узнать о членах нашей делегации. Показав глазами на Василия Семеновича, он спросил:

– Мистер Василий – это мистер Парламент?

– Да, – кивнул я.

Потом он перевел взгляд на Татьяну Гоголеву и, оглядев ее наряд, спросил:

– Это мисс Манси?

– Да, – снова кивнул я.

Затем повернул голову в сторону Нади Алексеевой, поинтересовался:

– А это, верно, мисс Ханты?

Я покивал головой в знак согласия, хотя она была манси. Просто не хотелось разочаровывать Майкла.

После этого он находит глазами Марию Кузьминичну в центре зала. На его устах вопрос: кто она? Я, не дожидаясь его вопроса, говорю:

– А это мисс Поэзия, мисс Песня.

– А-а, понимаю, – говорит он. – Она лечит душу.

– Совершенно верно.

Он некоторое время молчит, потом делает неожиданный вывод:

– Весь ваш округ здесь?

– Пожалуй, да, – соглашаюсь я.

Он, задумавшись, снова молчит, потом поднимает бокал с вином и говорит:

– За ваш округ, за вашу землю.

Мы молча чокаемся и пьем за нас, за здоровье нашей земли.

Мы замолкаем и слушаем, что говорят другие – гости и хозяева.

Со Скоттом Момадеем мы впервые встретились в июне 1998 года в Ханты-Мансийске. А заочно познакомились, конечно, намного раньше. Сначала по книгам. Его прежде всего поразило сходство наших народов, их мироощущение и миропонимание, их менталитет. В моем романе «Ханты, или Звезда Утренней Зари» он нашел эпизод, где герой-ханты на войне вступает в единоборство с вражеским танком с единственной мыслью, что, победив, спасет не только своих ближних, свой народ, но и все человечество. И это придает ему силы. Точно такая же картина есть и в романе Момадея «Дом, из рассвета сотворенный» (вышел на русском языке в 1978 году). Его герой-индеец с такими же мыслями и стремлением к победе пошел на танк, что и мой сородич. Значит, у наших народов очень много общего. И поэтому, постигая культуру одного народа, мы постигаем культуру и другого народа. Значит, хотя нас и разделяет бескрайний океан, хотя мы и живем на разных континентах, но по духу и образу жизни очень близки.

На вечере мы часто вспоминали Александра Ващенко, переводчика, доктора филологии из Москвы. Это он переводил наши книги с английского на русский, с русского на английский. Это своего рода бескорыстный подвижник, который горел стремлением приблизить наши народы, по возможности ускорить взаимопроникновение их культур.

В последние годы у Скотта Момадея на русском языке были изданы еще две книги. Это его избранные произведения «Дух, остающийся жить» (1997) и «Диалоги Медведя с Богом» (2005). Кстати, у индейцев племени Скотта Момадея медведь также священен и особо почитаем, как и у наших народов ханты и манси. И самая большая мечта С. Момадея – это побывать на нашем Медвежьем празднике в таежной глубинке, где жители сохранили традиционный образ жизни и традиционные обряды своих предков. Впрочем, мы вспомнили, что в текущем году Татьяна Гоголева провела Медвежий праздник у ивдельских манси, на реке Пелым, в селении Помапауль, где виновником торжества был молодой удачливый охотник Владимир Пакин. А в прошлом году такие же Медвежьи игрища она организовала на Приполярном Урале, у ляпинских манси в селении Ломбовож, где главным вдохновителем был Николай Егорович Таратов. Вероятнее всего, Скотт Момадей сможет побывать на следующих мансийских игрищах в честь нашего общего Божественного небесного брата, которого мы все почитаем и со священным трепетом встречаем в каждом доме.

Повторюсь: вечер удался на славу. Всем было тепло и уютно. В конце вечера Василий Семенович уверил Скотта Момадея, что мы всегда рады принять его на своей гостеприимной земле.

Разумеется, на этом вечере моих новых знакомых Тани и Ланы не было.

ЯВЛЕНИЕ СЬЮЗЕН

Итак, мы сидим втроем с Таней и Ланой. Я все гадаю: откуда они все знают про мой округ, про мою землю. И вдруг вижу: к нашему столу направляется Сьюзен Скарберри-Гарсиа, литературовед, доктор искусствоведения, биограф Скотта Момадея. Я прекрасно ее знаю. Она неоднократно бывала в России, в нашем округе и с Момадеем, и без него. Она, улыбаясь, подходит к нам и говорит мне:

– Знакомьтесь: это мои дочери Таня и Лана.

– Мы уже знакомы, – отвечаю я.

Потом спрашиваю:

– Почему вы нас раньше не познакомили?

– О, всему свое время, – улыбается она. – Я хотела сделать это в Ханты-Мансийске, в наш следующий приезд.

Она садится за столик.

– Вы откуда взялись? – удивляюсь я. – Вы же уехали домой.

Дело в том, что мы вчера после вечера распрощались с ней, так как она собралась домой. Живет она в городе Фармингтоне, преподает в индейском колледже Колорадо. В Санта-Фе приезжала специально на вечер Скотта Момадея для встречи с нашей делегацией.

– О-о, вы привезли слишком много белого снега, – смеется она. – Дорогу в горах завалило снегом, и я вернулась обратно.

Фармингтон расположен далеко на северо-западе от Санта-Фе, на стыке четырех штатов – Нью-Мексико, Аризона, Юта и Колорадо. Видимо, там в горах и начался снегопад. А здесь, южнее, днем изредка налетал порывами мокрый снег, который сразу же и таял.

Между тем официант принес нам кофе. И мы, смакуя ароматный кофе, продолжили беседу со Сьюзен.

– Сьюзен, откуда Таня и Лана так хорошо знают наш Ханты-Мансийск? – поинтересовался я.

Она лукаво усмехнулась, потом сказала девушкам:

– Покажите.

Девушки развернули комплект фотографий размером с карточную колоду. Мы с интересом стали рассматривать эти снимки. Там почти весь наш округ, все путешествие Сьюзен в наш край. С кем встречалась, где побывала, что произвело на нее наибольшее впечатление.

Теперь мне стало понятно, откуда Таня и Лана почти все знают о моей земле. Они мамиными глазами смотрят на мир. Они маминым сердцем познают жизнь. Конечно, это весьма похвально. Нам бы такую практичность и прагматичность.

Мы еще поговорили немного. Потом я с сожалением распрощался со славным семейством Сьюзен и пожелал им счастливой дороги, когда снега освободят им путь до дома. Мы все были уверены, что следующая наша встреча состоится у нас в Ханты-Мансийске.

Ибо Сьюзен, как и Скотт Момадей, всегда с большим удовольствием, несмотря на такие дальние расстояния, ездила в Россию, на наш белоснежный Север.

СНЕЖНОЕ УТРО В САНТА-ФЕ

В день отъезда из Санта-Фе утром, проснувшись, я увидел, как за окном падают большие хлопья снега, похожие на стаи белых лебедей, медленно опускающиеся на приобские болота. Я вышел на балкон. Весь двор был завален пушистым снегом чуть ли не до колен. И посреди этих сугробов в открытом бассейне в клубах пара плавал, довольно отфыркиваясь, периодически хлопая себя по плечам, спикер нашей Думы. Я крикнул ему:

– Василий Семенович, замерзнете!

– Что ты, – засмеялся он. – Сибиряку одно удовольствие такая погода!

– Да, наша зима догнала нас! – согласился я.

Это наш последний день в Нью-Мексико. Сегодня мы должны вернуться в Лас-Крузес. На другой день вылетаем в Лос-Анджелес, а оттуда у нас пересадка на самолет, летящий в Москву. Мы уже все давно соскучились по дому, по своей родине.

За завтраком в ресторане я поинтересовался у Эндрю:

– А мы не завязнем в сугробах на дороге, как Сьюзен?

– Нет, мы же едем в сторону юга, – засмеялся он. – В долине тепло, там лето.

И пояснил нам, что сейчас мы находимся в горах, на высоте двух тысяч метров над уровнем моря. Тут погода совсем другая, нежели внизу, на пустынном мексиканском плоскогорье.

Мы вышли из отеля с вещами.

Снег огромными и очень аппетитными ломтями лежал на вечнозеленых ветвях экзотического юга. Он лежал на тротуарах. Лежал на крышах домов. Снег лежал и не таял. Словно зима пришла сюда, чтобы проводить нас домой. Или, может быть, напомнить нам о доме, о своем снежном и суровом крае.

Символично, что зима провожает нас домой.

Я смотрел на остающиеся за окном заснеженные деревья

и кусты и думал о нашем коротком, но содержательно очень насыщенном путешествии по Америке, о наших встречах с хозяевами этой земли. Жаль, что в коротких путевых заметках всего не упомянешь. Например, я ничего не сказал о теплом приеме в государственном университете Нью-Мексико, о нашей вылазке через границу в Мексику, в приграничный мегаполис Хуарес. Разумеется, немало интересных вещей и картинок я упустил. Но осталось главное удивительное ощущение: все встречи были теплыми и доброжелательными. И все люди, с которыми мы встречались, оставили о себе прекрасные воспоминания. Нас неотлучно сопровождали наши друзья Дан Пепион, Эндрю Вигет, Ольга Балалаева. Забегая вперед, скажу, что в Лас-Крузесе мы впервые увидели Дональда Дуэйна Пепиона в ослепительно белом и изумительно красивом и одновременно строгом костюме Вождя индейского народа, чтобы исполнить обряд проводов дорогих гостей на родину, чтобы у них была счастливой обратной дорога через бурный океан. Я еще не знал, что перед самым отъездом от Мэттью Ранза Эбава (Бегущий Поверху) из племени Лакота Сиу я получу самый сакральный и бесценный дар, талисман-символ для проведения священных обрядов на моей земле, только потому, что я чем-то напомнил ему, Мэттью, его недавно ушедшего брата, имевшего связи с Небом и Землей...

И, покидая эту древнюю и ставшую близкой мне землю, я снова задал себе вопрос: какая же она, моя Америка? И ответ пришел сам собой: прекрасная Америка. Я, как Христофор Колумб, открыл свою Америку. Это моя безумно прекрасная Америка. С верными друзьями, с Солнечной Землей, с Танцующими Духами. Со звучащими, как песня, магическими названиями реки Рио-Гранде, горы Сьерра-Бланка, каньона Дэ Шей...

Я много думал об этом великом континенте и о его великих коренных народах, об индейцах. И у меня сложился свой образ индейца. Если он с Трубкой Мира размышляет о мироздании и о судьбе своего народа, не шелохнется и не прервет ход мыслей, даже если земля разверзнется под его ногами. Если он вступил на праведную тропу войны, почитает за честь погибнуть на поле

брани. Если он сказал слово, с достоинством и без малейшего сожаления отдаст за него свою жизнь. Если он полюбил, то будет любить, пока огонь любви не испепелит его душу и тело.

Возможно, поэтому лучшие люди рода человеческого, однажды соприкоснувшись с индейцами, навечно привязывались к ним...

ЕРЕМЕЙ АЙПИН

*Ханты-Мансийск – Москва – Лос-Анджелес –
Лас-Вегас – Эль-Пасо – Лас-Крузес – Санта-Фе –
Ханты-Мансийск*

18-30 марта 2005 года

ДЛЯ ЗАМЕТОК

Айпин Еремей Данилович

МАТЕРИАЛЫ
по вопросам защиты прав и интересов
коренных малочисленных народов:
В гостях у Танцующего Духа
Солнечной Земли

Сборник № 1

Выпускающий редактор Т.Ю. Усманова
Оператор верстки А.В. Чукомин
Корректор Н.В. Захарова

Оригинал-макет, верстка, цветоделение обложки и печать
выполнены ГП «Полиграфист».

Подписано в печать 20.02.2006 г. Формат 60х84/16. Бумага ВХИ.
Гарнитура Times Ten Cyrillic. Печать офсетная. Усл. п.л. 3,25.
Тираж 500 экз. Заказ № 7617.

ГП «Полиграфист».
Ханты-Мансийский автономный округ – Югра Тюменской области
628011, г. Ханты-Мансийск, ул. Мира, 46. Тел.: 3-29-84, 3-49-91.
E-mail: polygraf@wsmail.ru

466682006

5462112

